

В.Л. Цымбурский
ИЗ «ЛАТИНСКОГО ТРИЛИСТНИКА»¹

1. Причина и чудо: индоевропейские связи лат. *causa*

Предмет этой статьи – замечательный этимологический параллелизм, обнаруживаемый между словом для «причины» в латыни и обозначениями «чуда» в двух других индоевропейских языках – греческом и общеславянском.

Слово *causa*, обычно выражающее в латыни понятие причины – неотъемлемый элемент философского, юридического, исторического дискурсов римской классики, – принадлежит к этимологически неразъясненным элементам латинского словаря. Старое его звучание *caussa* известно по некоторым надписям, спискам Плавта, а также по сообщениям грамматиков Квинтилиана и Мариа Викторина². Оно обнаруживает основу с *-s-* или *-t-* в суффиксе и с предшествующим этому суффиксу дентальным в исходе – по-видимому, расширенного – корня, так что праформа условно выглядит как: **cauT-s-a* или **cauT-t-a*, где *T* – любой дентальный. В остальном слово непрозрачно. Произвольными выглядят и странное сближение его в словаре Вальде и Гофмана с *cudo* «бью» («*Schlag als Ursache*») [Walde, Hofmann, 1938, S. 190] и попытка еще в XIX в. А. Ваничека, сопоставляя *cau(s)sa* с *caueo* «остерегаюсь чего-либо, беспокоюсь о чем-либо», приписать нашему слову исходный смысл «нечто за-

¹ *Ред.*: Статья «Латинский трилистник» [Цымбурский, 2008] – последняя из вышедших при жизни автора работа – состоит из четырех частей (1. Причина и чудо: индоевропейские связи лат. *causa*. 2. Форма и дхарма (введение в тему). 3. Дело о Пренестинской фибуле: к оценке аргументов. <4>. Дополнение. Мессапская параллель к ситуации Пренестинской фибулы (на фоне мессапо-тохарской изоглоссы), первые три из которых были в свою очередь опубликованы отдельными статьями [Цымбурский, 1999b; 2000b; 2003b]. Для будущего издания автор внес в статью некоторые поправки. Статья дается в редакции В.Ф. Шевченко. Мы публикуем только первые две части, указатели к которым подготовил также В.Ф. Шевченко. См.: *Цымбурский В.Л. Scripta minora: Язык и древность. Гомер и Троя / Отв. ред. В.Ф. Шевченко.* – М.: Европа, 2011. – С. 95–116.

² (Quintil., Inst., I, 7, 20; Mar. Vict. VI, 8, 5) [TLL, 3, S. 659].

щищаемое, пребывающее под охраной» [Vaníček, 1874, S. 187]. (В XX в. Ж. Дюмезиль семантически «колдовал» над созвучием *causa* «судебное дело» с *cautus* «осторожный» и формулой приговора *male caverunt* [Dumézil, 1987, p. 56–57].) В полной безнадежности словарь Эрну и Мейе нас уверяет, что у *cau(s)a* не только «этимология неизвестна», но даже и «первичный смысл не поддается определению» – и полагает в этом слове «прелатинский термин» без каких-либо соображений насчет возможностей его генезиса [Ernout, Meillet, 1979, p. 108].

В этой заметке я попытаюсь показать, что, сближая *causa* и *saveo*, Ваничек, пожалуй, вступил на верный путь. Другое дело, что его гипотезу дискредитировала недостоверность предполагавшейся им внутренней формы *causa*, не подтвержденной латинским словоупотреблением, да к тому же не считающейся и с этимологическим смыслом *saveo*, – каким этот смысл предстает из индоевропейских параллелей.

Известно, что *saveo* фонетически так же соотносится с греч. κοέω «внимаю», как *raveo* «дрожу от страха» с πτοέω «пугаю», как *lavo*, -ere (вариант *lavare*) «мою» с λούω то же, или как лат. *cavus* «пустой» – с κοόι τὰ χάσματα τῆς γῆς καὶ τὰ κοιλώματα (Hesych.); можно сравнить, наконец, лат. *faveo* «проявляю благосклонность» с арм. *govem* «хваляю», слав. **gověti* «почитать, поститься, проявлять милость» < **g^whoweye-*. На протяжении XX в. этот латинский переход *-ōv- > -av- перед гласными объяснялся преимущественно при помощи гипотезы П. Кречмера и Ф. Зольмсена, предполагавших, что возник он сперва в безударных формах типа *cavére*, *ravére*, *laváre*, *favére* или *cavérna* «впадина, пустота», а позднее по аналогии распространился и на подударные позиции в словах от тех же латинских основ¹. При подобном объяснении, основывающемся на ударении классической латыни, в этом переходе оказывалось слишком много иррегулярных, толкуемых *ad hoc* моментов: взять такие формы, как *November* «ноябрь» от *novem* «девять», *overcra* «мачеха» при *novus* «новый» или глаголы *moveo* «двигаю», *voveo* «клянусь», *foveo* «согреваю» – все эти случаи Кречмер и Зольмсен объясняли с большой натугой. В 1990-х на смену их версии была выдвинута П. Схрейвером (в книге о латинских рефлексах индоевропейских ларингалов) иная, обладающая значительно большей объяснительной силой. Она предполагает, что этимологическое *-ōv- перед гласным уже в пралатинском всегда давало *-av-, за исключением позиции после *H₃* (*ovis* «овца» < **H₃ewi-*)². Все случаи, когда в латыни

¹ Kretschmer, 1904; Solmsen, 1904.

² Лат. *avillus* «новорожденный ягненок» Схрейвер решительно отделяет от *ovis*, возводя через синкопированную форму **ag^wŋlo-* к пралат. **H₂eg^wn-elo-* уменьшительному от **H₂eg^wno-*, лат. *agnus* «ягненок» [Schrijver, 1991, p. 438–439], что представляло бы точную параллель к паре *tignum* «брус, балка»: *tigillum* то же < **tignlo-* < **tignelo-* [Нидерман, 1949, с. 43]. Лат. *bos*, *bovis* «бык, корова» он, вместе со многими авторами, трактует на правах позднейшего италийского заимствования в латинском.

перед гласным налицо сочетание -ov- с этимологическим лабиальным Схрейвер рассматривает как рефлексы древнего *-ëv-: таковы novus < *newos, греч. νε(F)ός, novem < *H₁newm, греч. ἔννε(F)α, ovo, -are «восхваляю» < *H₁eu-, греч. εὐάζω, сюда же moveo довольно редкий тип каузатива с е-огласовкой, известный, однако же, по таким латинским формам, как terreo «пугаю», augeo < *H₂eug'eye- «взрачиваю, умножаю» и т.д. [Schrijver, 1991, p. 436–454]. Концепция Схрейвера успешно справилась со множеством фактов, каковые, по сути, оставляла необъясненными гипотеза Кремера–Зольмсена. Сейчас дискуссионными, пожалуй, остаются лишь пралатинские отражения индоевропейских *o, *e, перед этимологическими лабиовелярными *g^w, *g^wh: с одной стороны, видим лат. nūdus «нагой», явно из *nog^wodhos или *nog^wedhos, без перехода корневого *o > a (см. германские параллели с тем же значением – гот. nauqab's < nauqad-, др.-в.-нем. naskot, но др.-исл. nøkkvidr), а с другой – неясное соотношение между вокализмом лат. foveo «согреваю», родственного др.-инд. dāhayati «жжет», лит. dėgti < *dheg^wh- «жечь, гореть», и лат. favilla «горячий пепел»¹. Для случаев же с исконным губным сонантом объяснение Схрейвера едва ли не оптимально и, в частности, благодаря ему отпадают последние неясности в сопоставлении saveo с родственными индоевропейскими формами.

Этот глагол входит в одно этимологическое гнездо с др.-инд. ākuvate «он намеревается», ākuti, ākūtam «замысел», kavī «провидец, поэт», kavāri «алчный»; с греч. κοῦω и ἀκούω «слушаю» < *ṛ-kousyō, см. также ἀκεῖει τρεῖ «следит» (Hesyeh.); с гот. hausjan, др.-в.-нем. horren «слушать», при др.-англ. hāwian «смотреть»; с лтш. kavēt «медлить», со слав. *čuti «чуять», также *čeviti в др.-чеш. uščieviti «посещать», блр. човіць «бдеть». А еще далее – с греч. θεό-σκοός «наблюдающий за жертвами», др.-англ. scēawian, др.-в.-нем. scuwōn «смотреть», гот. skauns, др.-в.-нем. scōni «привлекающий внимание, красивый», гот. us-skaws «медлительный, осторожный», собственно «оглядчивый» (ср. лат. cautus с тем же значением и лтш. kavēt), арм. ցախաթ «показываю» < *skeu-sk'-, օջուց «зрелище, демонстрация, показ»². Итак, смысл «озабоченности, предосторожности», характерный для saveo в письменную эпоху, представляет лишь малую часть широкого поля употреблений и.-е. *(s)keu- с его семантикой «фокусировки чувства, интеллекта или воли на некоем объекте», а также «способности объекта привлечь их к себе». Очень похоже на то, что многообразии употреблений слова caus(s)a, далеко не исчерпывающихся понятием «причины», вполне способно соотноситься с тем же самым смысловым полем.

Так, лейпцигский «Гезаурус латинского языка» одним из основных значений causa называет «разыскание, рассмотрение», «предмет, трактуе-

¹ Schrijver, 1991, p. 274–275; 442–443; 448.

² Pokorny, 1959, S. 587–588; ЭССЯ-4, с. 99–100.

мый при помощи слов» – «quaestio», «res, quae verbis tractatur» [TLL, 3, S. 685]. В частности, излюбленное Цицероном и обычно не находящее адекватного отражения в переводах соединение res «вещь, дело, положение вещей» и causa в пары соположенных понятий – res causaque, res ipsa causaque, res et causa, res ipsa atque causa¹ – хорошо разъясняется из такого контекста, как (Cic., Fato, 9): qua de re agatur et in quo causa consistat «о каком предмете пошла бы речь, и в чем состояла бы проблема». Похоже, что res, поскольку оно дифференцируется от causa², относится к предмету или ситуации как таковым, внешним относительно их рассмотрения и обсуждения, а causa берет их же как уже преобразованные в тему речи, дискурса. Понятно, что отсюда происходит и юридическое применение causa, чуть ли не с эпохи законов XII таблиц, к слушанию-рассмотрению дела судьями и, соответственно, к его двусторонней презентации перед судом усилиями тяжущихся: см. пересказ одного из этих древних законов в (Aul. Gell., XVII, 12, 10): ante meridiem causam coniciunto, cum perorant ambo praesentes «пусть ставят дело (тяжбу) на рассмотрение до полудня, когда лично произносят свои заключительные слова обе стороны»³.

Пониманию causa в смысле «сосредоточения интереса и заботы на ком-либо или на чем-либо» не противоречат и общеизвестные обороты, где это существительное по сути низводится до роли служебного слова вроде eius causā «ради него», tua causā «ради тебя», populi Romani causā «ради римского народа» – ср.: рус. *имея в виду одного себя* или *действуя в видах государства*. Если в предыдущих случаях causa нас отсылала к до-

¹ Например, в: (Cic., Cluent., 139, 141; Catil., 4, 10; Scaur., 16; Nat. deor., 1,2; De orat., 1, 259) и во многих других случаях, указываемых «Тезаурусом».

² Во множестве случаев res и causa могут просто заменять друг друга, в том числе в обороте quam ob rem = quam ob causam «из-за этого дела», «по этой причине». В романских языках рефлексы causa (итал. cosa, франц. chose) нормально употребляются в значении латинского res.

³ Вполне наглядно с юридической жизнью слова соотносится causa у Плавта в специальном смысле «возражения», «выдвигаемого препятствия»: (Plaut., Mil., 1427): causam non dico «не возражаю»; (Plaut., Capt., 353): num quae causa est quin... viginti minas mihi des «разве какое-нибудь может быть возражение против того, чтобы ты... дал мне двадцать мин»; (Plaut., Cas., 1003): nulla causa est quin pendentem me... virgis verberes «никакого возражения против того, чтобы ты, меня подвесив, выпорол розгами»; (Plaut., Rud., 1070): nulla causa est quin me condones cruci «никакого возражения против того, чтобы ты отправил меня на крест». Эти плавтовские causam non dico и nulla causa est «не буду возражать, принимать мер предосторожности против чего-либо, в том числе против наказания, которое считаю заслуженным», несомненно, обыгрывают формулу causam dicere «вести дело в суде», – из которой порождены слова causidicus «судебный защитник», causidicalis «адвокатура», causidicalis «адвокатский». Похоже, что плавтовская causa «возражение», составляющая особый словарный пункт в перечне смыслов этого слова, – как ни заманчиво было бы сблизить такое словоупотребление с использованием caveo в смысле «опасаюсь чего-либо, стараюсь что-либо предотвратить» – на самом деле возникает из игры с языком права, как следствие комического вклинивания процессуальных формул в необычные для них речевые ситуации.

письменной семантике *saveo* < **koweyō*, восстанавливаемой по данным внешнего сравнения, то обретая целевой характер – например, в должностовательных герундивных и герундийных оборотах (типа *rei gerendae causā* «для совершения дела»), наше слово прямо смыкается с употреблением *saveo* в исторической латыни – в смысле «предусмотрительного, озбоченного старания о некоем результате»; см., например, у Энния (*Enn., Ann., 319*): *gastros... capsit causa poliendi agri* «грабли... взял в заботе о возделывании поля», ср. др.-инд. *ākūti* «замысел, намерение, желание».

И в то же время, отталкиваясь от исходного смысла *causa* как «рассмотрения», нетрудно понять его употребление в смыслах «*conditio, forma, status*» [*TLL, 3, S. 617*] (ср. гот. *ibna-skauns* «тождественный облик, подобный», полисемичное др.-исл. *skyp*, значащее «просмотр» и «приговор», но также «порядок», арм. *օսոյ* «зрелище, показ»). Особенно понятно такое развитие бывает, когда эти «положение, форма, статус» выступают предметами словесного раскрытия и обсуждения, как бы демонстрирования: (*Cic., Att., 8, 11, 3*): *nostra gravior est causa qui domi sumus* «тяжелее наш удел – которые пребываем дома; (*Cic., Att., 11, 13, 1*): *in eam causam venisse me videre ut* «я вижу, что уже дошел до такого состояния, когда» и т.п.), или умозрительного конструирования – например, в ценном контексте (*Paul., Dig., 4, 5, 3, 1*): *cum emancipari nemo possit nisi in imaginariam servilem causam deductus* «поскольку никто не может быть отпущен на свободу, если не был приведен (прежде) в воображаемое рабское состояние».

Этот обзор нам позволяет, наконец, подойти к тому, как, собственно, *causa* оказывается обозначением для «причины». При этом само понятие «причины» должно претерпеть деконструкцию, его можно разложить на несколько различающихся частных смыслов. Очевидно, что применительно к человеческим деяниям и намерениям *causa* как «причина» или «предлог» – это слово для воспринимаемых обстоятельств, из которых возникает то или иное волевое усмотрение, как у Плавта, (*Plaut., Merc., 822*): *uxor virum si clam domo egressa est foras, viro fit causa, exigitur matrimonium* «если жена втайне от мужа ушла из дома, есть у мужа (усматривается) причина, расторгается брак». Точно так же, когда речь идет о претерпевании и эмоциях, *causa* – это внешний, чувственно воспринимаемый коррелят («источник») переживания – (*Ovid., Trist., I, 2, 17–18*): *Ergo idem venti, ne causa laedar in una // Velaque nescio quo votaue nostra ferunt* («и вот те же самые ветры, чтобы мне терзаться не по одной причине (собственно, не из-за одного зримого аспекта беды. – В.Ц.) несут невесты куда и наши корабли, и наши обеты»); (*Arn., VII, 34*): *quia gaudere laeta re maestosos fieri tristioribus conspiciunt causis* «ибо замечают, что радуются люди при счастливых делах, грустны же делаются, когда (зримые) обстоятельства ухудшаются (= при печалющих причинах)». И наконец, понимаемая нами как «причина» *causa* может относиться к событию, которое с достаточной индуктивной достоверностью предшествует другому событию. Так что в подобных случаях род гендиадиса – единой идеи из двух соположенных сло-

вопонятий – образуют уже не *res* и *causa*, но *causa* и *nota* «примета, признак». Например, у Цицерона – (Cic., *De div.*, 2, 17): *qui potest providere quisquam futurum esse, quod neque causam habet ullam neque notam* «кто может предвидеть что-нибудь из будущего, не имеющее ни причины никакой, ни приметы», ср. (Cic., *De div.*, I, 126): *ut... observatione notari possit quae res quamque causam plerumque consequatur etiamsi non semper... easdemque causas veri simile est rerum futurarum cerni ab iis qui aut per furorem eas aut in quiete videant* «так как... из наблюдений возможно приметить (*notari*), какое событие обычно следует за какой причиной, хотя бы и не всегда..., то правдоподобно, что те же самые причины будущего распознаются теми, кто видит их в экстазе или в спокойном состоянии души». Показательно, что в этом смысле *causa*, согласно [TLL, 3, S. 667], часто выступает объектом при глаголах чувственного и интеллектуального восприятия – (*causam, -as*) *videre, providere, despicere, perspicere, conspicere, intueri*. Все говорит за то, что в качестве термина для «объективной», в том числе «природной» причины *causa* могла представлять собою не что иное, как указание на усматриваемую примету, способную предвещать некое будущее явление (как собирающиеся в небе тучи – «причина» последующей бури).

Я думаю, что теперь мы не только можем отнести лат. *causa* во множестве его значений – «рассмотрение некоего вопроса» (в том числе «презентация и рассмотрение дела в суде»), «предмет обсуждения», «внимание к чему-либо, попечение о чем-либо», «состояние, форма, статус», «условия определенного решения и действия», «внешние обстоятельства, специфически воздействующие на душевное расположение человека», наконец, в реконструируемом смысле, «более или менее регулярная примета, предшествующая событиям некоего типа и воспринимаемая как их причина» – к рефлексам и.-е. **(s)keu-* «сосредотачиваться на каком-либо объекте». Мы в состоянии теперь указать также ближайшие формальные параллели к *causa* в иных индоевропейских языках. Восстанавливаемая по старинному варианту *caussa* формантная последовательность «дентальное расширение корня плюс суффиксальное *-s-*» позволяет опознать такие параллели в слав. **čudo*, род. падеж **čudese* «чудо, знамение» и в греч. *κῦδος, -εος*, известном гомеровском атрибуте героев и богов. В свое время Э. Бенвенист доказательно отверг прежнее расхожее понимание *κῦδος* как «слава», показав, что в «Илиаде» так именуется харизматическая отмеченность воина богами, выражающаяся в особой ауре вокруг него и служащая знаменем его победы. По выводу прославленного лингвиста, *κῦδος* – «магический атрибут, окруженный пророчествами и сам пророчество»¹.

Думается, с формальной стороны *causa* следует рассматривать как результат «тематизации» древней основы на *-s*, аналогичной основам *čudo* и *κῦδος*. Порождение тематических основ на *-so-* / *-sā* (< *-seH₂*) от *s*-основ

¹ Бенвенист, 1995, с. 277–283; особенно с. 282–283.

достаточно хорошо представлено в индоевропейских языках. Оно выступает как словообразовательный прием в древнеиндийском (*rócas* «свет»: *rukṣà* «сияющий», *sāhas* «мощь»: *sakṣà* «мощный»; *rajas* «бок»: *paṅkṣà* «сторона», «половина», «крыло» и т.д.), в единичных случаях проявляется в греческом (*kútos* «выпуклость»: *кутос* < *кутос «ягодицы»)¹, а также наглядно прослеживается по межъязыковым корреляциям: греч. *ἔτος*, -εος «год»: *vatsà* «теленок-первогодок», греч. *ῥόδος* «вода», дат. падеж. *ῥέει*: др.-инд. *útsa* «ручей»; др.-инд. *tamas* «тьма»: лит. *tamsà* то же; др.-инд. *çiras* «голова», вар. *çirṣam*: греч. *κόρση* «висок, щека», «голова», лат. *pīdor* «дым, чад» < (и.-е. *kniHdōs): греч. *κνίση*, *κνίσσα* (< и.-е. *kniHdseH₂, -уH₂) «дым от жертвоприношений, тук»².

Однако реконструкция для *caussa* праформы вроде *koudsā < *koudseH₂ неизбежно наталкивается на проблему, проистекающую из необходимости объяснять аномальное развитие *-ou- > -au- перед согласным, да еще в закрытом слоге. По счастью, нам здесь спешит на помощь ларингальная теория, предлагая красивый выход из этого затруднения. Долгота корневого гласного в греч. *кῦδος*, др.-инд. *ākūtam*, *ākūti*, а также акцентуация сербохорв. *čūti*, *čūjem*, словен. *čūti*, *čūjem* указывают на ларингальное расширение этого корня – или на его ларингализованный характер в глазах сторонников трактовки индоевропейских ларингалов как суперсегментных величин³. Таким образом, корень должен бы восстанавливаться в виде *keuH- / *skeuH-, причем, по замечанию Схрейвера, метатетический вариант *keH₁u-, отразившийся в др.-англ. *hāwian* «смотреть», позволяет уточнить качество ларингала: это должен бы быть H₁ – ларингал, отвечающий за е-огласовку. Следовательно, для *caussa*, если выводить это слово из того же корня, надо восстанавливать в качестве праформы не *koudseH₁, но *kouH₁dseH₂.

Возникает вопрос: что же происходило в пралатинском с древним ларингалом (если его считать за фонему) в подобной позиции – между этимологическим -ou- и последующим согласным? Материал на этот счет крайне скуден. Однако Схрейвер, ссылаясь на лат. *caudex* «чурбан, колода», «дощечка для письма» как на имя, родственное глаголу *cudo* «бью», выводит эти формы, с допущением ранней синкопы, соответственно из *kavad- < *kouHd- и *kovad- < *keuHd-. Как видим, он постулирует здесь обычное для пралатинского развитие -ev- и -ov- перед гласным – а именно

¹ Форма *βυθός* «глубокое место» может объясняться из *βυθός [Schwyzer, 1939, S. 321; Гиндин, 1981, с. 98], если предполагать для тематического имени *βυθός* «глубина» древний вариант с основой на -s: *βύθος, -εος, как у родственного *βάθος*, -εος с тем же значением. К сожалению, формы *βάθος* «долина, расщелина» < *βάθος, приводимой в словаре Pokorny [Pokorny, 1959, S. 465], на самом деле, по-видимому, не существует.

² Барроу, 1976, с. 154; Brugmann, 1889, S. 387; Schwyzer, 1939, S. 321; Pokorny, 1959, S. 562.

³ Дыбо, 1981, с. 199; 204; Kortlandt, 1975, p. 69; Schrijver, 1991, p. 439–440.

перед тем гласным, который должен был возникнуть из вокализованного ларингала [Schrijver, 1991, p. 285–287]¹.

Схрейвер полагает, что между дифтонгом и согласным ларингал в пралатинском изменялся так же, как обычно между согласными – т.е. давал *-a-* (ср. лат. *satus* «посеянный» < *sH₁to- при перфекте *sēvi*, *status* «поставленный» < *stH₂to-, др.-инд. *sthítā* то же; греч. *στατός* «стоячий»; *datus* «данный» < *dH₃to-, др.-инд. *ditā* то же, греч. *θεόδοτος* «данный богами»), которое в середине слова могло редуцироваться в *-i-* (лат. *genitor* «родитель» < *g'enH₁tor, греч. *γενέτωρ*, *animus* «дух» < *H₂enH₁mo-, оск. *anatum* то же, греч. *ἄνεμος* «ветер») или подвергаться синкопе. В таком случае и *caudex*, и *cau(s)sa* (возникшее в результате последовательности трансформаций *kouH₁dseH₂ > *kovassā > *kavassā > *caussa*) могут быть отнесены к ряду латинских слов, обязанных синкопе тем дифтонгом *-au-*, который в них появляется на месте древнего *-ou-* перед гласным. Таковы, несомненно, *fautor* (с вариантом *favitor*) «благодетель» и *faustus* «счастливый» (вместо **favestus* как *honestus* [Нидерман, 1949, с. 41]) от *faveo* и *cautus* «осторожный» (вместо **cavitus*) от *saveo*. Возможно, сюда же относятся такие слова, как *fraus*, *-dis* «обман» < *dhrou-Vd-, ср.: др.-инд. *dhruti* то же, и *laus*, *-dis* «хвала» < *lou-Vd- при гот. *liuþon* «пою, хвалю», др.-в.-нем. *liod* «песнь» < *leu-t- [Schrijver, 1991, p. 439; 444].

Итак, ларингальная теория позволяет мотивировать возникновение *-au-* в *cau(s)sa* чисто фонетически, без обращения к аналогическим домыслам, которых ранее и сам я не чуждался – вроде того, что якобы эта «огласовка... наиболее естественно объясняется прямым влиянием вокализма *saveo*» [Цымбурский, 1999b, с. 101]. Сейчас я не вижу в них никакой надобности.

Интересно отметить, что восстанавливаемый древний прообраз *cau(s)sa* < *kouH₁dseH₂ оказывается наиболее близок даже не к прообразам греч. *κῦδος* < *kuH₁dos и собственно слав. *čudo < *keuH₁dos. Но сразу же вспоминается предполагаемый вариант последнего слова – именно **kudo*, *-ese*, представленный в др.-рус. *кудесь*, *-ы* «чары, колдовство», рус.

¹ Ссылаясь на тохарские факты (тох. А *kot-*, В *kaut-* «раскалывать» при тох. А *ko-*, В *kau-* «убивать», тох. В *kāwālne* «убиение»), этот ученый восстанавливает по ним корень *keH₂u- с метатезой по отношению к обычному *keuH₂-, стоящему за лат. *cudo* и иными индоевропейскими родственными формами, включая слав. *kovati [Schrijver, 1991, p. 286]. К тохарской реконструкции см.: [Van Windekens, 1976, p. 231–232; Бурлак, 2000, с. 243]. Ценность этого результата в том, что индоевропейские формы со значениями «фокусироваться на чем-либо» и «бить, ковать», выступающие как полные омонимы, если их рассценивать как двухконсонантные структуры (*keu- в обоих случаях), различаются в качестве структур исконно трехконсонантных (*keuH₁- и *keuH₂-). (Я оставляю в стороне еще одну теоретическую возможность: именно что «метатетические» варианты Схрейвера *keH₁u- «смотреть» и *keH₂u- «бить», выявленные им по показаниям древнеанглийского и тохарского языков, являются на деле старейшими по сравнению с нормальным обликом тех же трехконсонантных корней и сами в свою очередь представляют *и-*расширения первичных корней *keH₁- и *keH₂-, см.: [LIV, 2001, S. 345–346; Bourns, 2005, S. 37].)

диал. *кудеса*, *кудесы* «чудеса посредством нечистой силы», «святочные гуляния», *кудесь* «колдовство, ворожба», сербохорв. диал. *кѹдош* «виновник, нарушитель», пол. диал. *kudyś* «злой дух», с родственными образованиями в др.-рус. *кудь* «воля, желание, изволение», рус. диал. *куд* «злой дух», *кудь* «волхование», откуда и общеславянский глагол **kuditi* «хулить, порицать» [ЭССЯ-13, с. 82–84]. Если впрямь видеть в **kudo* дублет к **čudo*, хотя бы испытавший в семантике «косвенное влияние гнезда **kovati*, относящегося не только к кузнечному мастерству, но и к колдовству» [ЭССЯ-13, с. 83], то пришлось бы заключить, что праформа *cau(s)sa* обнаруживает наибольшее морфологическое сходжение именно с этим славянским раритетом (< **kouH₁dos*)¹.

В заключение краткого комментария достоин контраст семантики *causa* «причина» и *кѹдоś* «магическая харизма», **čudo* «чудо, знамение». Во всех этих случаях родственными словами характеризуются явления, привлекающие внимание очевидцев и тем самым способные возбуждать определенные людские ожидания. Но греческое и славянское слова относятся к феноменам, выпадающим из обычного порядка вещей и могущим обретать роль примет-знамений в силу своего общего аффектоносного воздействия. А вот лат. *causa* как «причина» – это лишь один из видов «рассмотрений» и «усмотрений», одно из многих применений слова, выражающего нацеленность сознания на артикуляцию жизненного опыта людей – артикуляцию речевую, дискурсивную (*causa* – тема обсуждения), мотивационную (*causa* – зримые обстоятельства, мотивирующие эмоцию или изволение), сигнификативную (*causa* – примета будущего события). Это тот случай, когда впрямь было бы порассуждать о «духе языка» и «духе народа».

Но не менее интересна и типология «внутренних форм», вкладываемых языками в понятие «причины». Славянская *причина* нечто творит и «учиняет», устраивает. Греческая *αἰτία*, родственная «року, судьбе» (*αἶβα* «рок» < **aītu*), «требует» (*αἰτεῖ*) чего-то ей причитающегося, смыкаясь с идеей «преследующей вины» (*αἰτία* как «вина» и «обвинение в суде», *αἰτιός* «виновник»). В конце концов – она восходит к образу «полагающейся

¹ Соображения О.Н. Трубачева о том, что слова с корнем **čud-*, при всей своей принадлежности к сфере чудесного, наделены определенной нейтральностью значения, тогда как корень **kud-* отличается негативностью семантики из-за влияния корня-паронима **ku-* / **kov-*, значащего «ковать, колдовать» [ЭССЯ-13, с. 83], заставляют, кстати, вспомнить латинское использование *causa* (*causa morbi*) в смысле «недуг, болезнь», ср. такие обороты, как *insanabilis atque irrevocabilis causa*, *causae graviores (leviores)* [TLL, 3, S. 680–681]. Едва ли это словоупотребление *causa* (< пралат. **kavassa*) с коннотацией «опасного случая, беды», возможно – «беды, вызванной злыми силами», надо вслед за Эрну и Мейе расценивать как кальку с греч. *αἰτία* [Ernout, Meillet, 1979, p. 108]. С другой стороны, специально выделяемое этими авторами будто бы вторично конвергировавшее с идеей болезни *causa* «увольнение из армии (в военном языке)», откуда *causarius* «отставник» – не могло ли первоначально нести идею «смотр – и отбраковки негодных к службе?»

кому-либо доли или штрафа, уплачиваемого за что-либо», ср. авест. aeta «полагающаяся часть, долг, штраф», оск. aeteis partis «части» (впрочем, понимание причины как «вины» известно и славянам – вспомним хотя бы русское ироническое «виновник торжества»). Пралатинская же причина применительно к миру, к природе вещей озабоченно *усматривалась* или *высматривалась*, а в жизни человека сама во многом проявлялась как его *усмотрение*. Через «усмотрение» и «усматриваемое», «притягивающее внимание» этимологически рождаются «причина» и «чудо».

2. Форма и дхарма

Я определяю данный этюд как «введение в тему», раскрытие которой потребовало бы привлечения и проработки источников в количестве, пока что для меня неподъемном.

Забвение старых этимологий иногда оказывает плохую услугу компаративистике. Есть ряд случаев, когда сближения, популярные в XIX в., оказались произвольно отброшены индоевропейцами первой половины XX в., так что к его концу некогда вполне прозрачные в глазах ученых лексемы индоевропейских языков начинают походя трактоваться как «не-этимологизируемые», давая поводы для «субстратных» или «адстратных» гаданий. А между тем перепроверка материала зачастую побуждает реабилитировать старые объяснения, хотя иногда на совершенно новом уровне семантической проработки.

Именно такой случай – лат. *fōrma*, с долготой корневого гласного, восстанавливаемой по ряду надписей и по некоторым романским отражениям, вроде ст.-франц. *fourme*. В XIX в. Л. Мейер, В. Корсен, А. Ваничек и Г. Курциус без колебаний видели в этом слове корень **dher-* «держат, крепить, нести», предполагая точной параллелью к *fōrma* некое редкое образование из трудов санскритских грамматиков *dhariman* «образ»¹. Более известные древнеиндийские производные от того же корня *dharma*, вар. *dharman* учитывались исключительно в значениях «долг, обряд, закон» и рассматривались как продукты иного смыслового развития, чем у *forma* – развития якобы общего с греч. *θρησκευία* «религиозное почитание» (сходно со *dharma* [Boisacq, 1923, p. 349–350])². Но в XX столетии это толкование

¹ [Böhtlingk, Roth, 1861, S. 880]; в «Законах Ману» (Manu., 8, 321) то же слово употребляется со значением «веса» (украденного золота или серебра). Его не надо смешивать с *dharman* «поддержание», известным по (RV, I, 128, 1; IX, 86, 4). – [Corssen, 1863, S. 169–170; Vaniček, 1874, S. 77; Curtius, 1879, S. 257 (со ссылкой на оставшуюся мне недоступной статью Л. Мейера от 1850 г.)].

² Впрочем, стоит припомнить размышления Курциуса о том, что «*forma* bezeichnet also die Gestalt als die “feste” in Gegensatz zu der zerfliessenden, verschwimmenden und unbegrenzten Materie» и что эта идея «прочности, твердости, определенности» роднит также с латинской *формой* и древнеиндийскую *дхарму* [Curtius, 1879, S. 168–170]. Среди лингвистов XIX в. наособицу мыслит Г. Остроф, сближавший лат. *forma* и *formula* с др.-инд.

лат. forma было радикально отвергнуто этимологами. А. Вальде и переиздавший его словарь Й. Гофман сочли эту идею ложной на странном основании семантической отдаленности лат. forma от таких рефлексов *dher- в латыни как firmus «прочный» и frētus «уверенный» [Walde, Hofmann, 1938, S. 531]. Об руку с ними А. Эрну и А. Мейе полагают «наиболее соблазнительным» видеть в firmus точное соответствие к др.-инд. dhārma (аномальный корневой вокализм firmus, где по латинским надписям к тому же окказионально прослеживается долгота, однако без романских подтверждений, они оправдывают ссылками на италийские диалектизмы вроде stircus или Mircurios)¹. Для fōrma же они не видят твердой этимологии, однако, как и Вальде и Гофман, уделяют много внимания его созвучию с греч. μορφή. При этом возникают существенные трудности в плане консонантизма. Ибо в латыни при сопоставлении fōrma с μορφή приходится предполагать не обычную диссимиляцию m-m > f-m, как в соответствиях греч. μύρμηξ: лат. formica или греч. μόρμοι «пустые страхи» (Hesych.): лат. formido, а какую-то беспрецедентную метатезу. Поэтому Э. Бенвенист, на которого ссылаются Эрну и Мейе, предложил им для fōrma ничем не подтверждаемый промежуточный прототип вроде *mōrma. Естественно, что при этом французскими авторами на сцену вызываются в качестве посредников между греческим и латынью «загадочные этрусски», как бывает почти всегда, когда этимологам надо на кого-то списать неясные для них элементы в латинском [Ernout, Meillet, 1979, S. 247]. В результате слово forma не учитывается вообще в крупнейших индоевропейских этимологических словарях прошлого века – в доработанном и переизданном Ю. Покорным словаре Вальде и далее в словаре самого Покорного.

На этом фоне очевидна смелость В.Н. Топорова, который – в комментарии к труду Ф.И. Щербатского о слове dhārma – в числе иных индоевропейских продолжений основы *dher-m- помянул, наряду с лат. firmus и firmare, лит. dermė «гармония, согласие, союз», также и лат. fōrma – последнее, правда, под вопросом («может быть») и без разъяснений семантического аспекта [Топоров, 1988, с. 367].

На деле же лат. fōrma и др.-инд. dhārma представляют соответствие поразительное, если принимать в расчет все семантическое поле латинского слова в целом (как это поле описано и документировано в «Тезаурусе латинского языка» [TLL, 6(1), S. 1065–1087], а не ограничиваться тривиальными значениями «внешнего облика», «красоты» и т.п. Впрочем, даже

map «молитва», «благоговение», «священное знание», др.-исл. bricht «колдовство», др.-исл. bragr «поэтическое искусство» [Osthoff, 1899, S. 131–132].

¹ [Ernout, Meillet, 1979, S. 237]. Впрочем, другие ученые видят в этих случаях лишь оригинальное диалектное развитие гласного перед -r-, как в оск. amiricatum «посредством торгов» (=лат. *immerscato) [Тронский, 2001, с. 83]. В таком случае вокализма лат. firmus эти факты объяснить никак не могут. Он также остается загадкой и при попытках возвести firmus к *dhr̥g'h-mo – как будто бы точное соответствие лит. diržmas «крепкий» [Walde, Pokorny, 1930, S. 859].

в это употребление слова комментариисты грамматиков вносят важные ориентирующие нюансы – вспомним различение *forma* и *vultus* «обличье» у Доната (Ter., Andr., I, 1, 92–93): *forma immobilis est et naturalis, vultus et movetur et fingitur* «образ (*forma*) неизменен и дан от природы, обличье изменчиво и может измышляться», и особенно определение Нония – *formam integritatem speciei esse*, т.е. «форма есть целостность образа» или «форма есть образ как целостность» – как бы возрождающее этимологический смысл «держания – сведения воедино материи, признаков или элементов» (цит. по: [TLL, 6(1), S. 1065]). Он же, этот базисный смысл «держания», более чем нагляден в таких конкретных употреблениях слова, как «рама для картины» (см.: Vitruv., II, 8, 9): *e... parietibus... picturae excisae... inclusae sunt in ligneis formis* «на стенах... вырезанные картины... заключены в деревянные рамы» или «водопровод», «искусственное русло» – (Ulp., Dig., 30, 39, 5): *aquae forma* «форма воды» т.е. «водопровод»; [CIL, VI, N 1258]: *aquas... nova forma reducendas* «проведение заново воды посредством нового водопровода»; (Frontin., Aq., 75): *formas rivorum perforant* «пролагают русла каналов»; (Pallad., 9, 11, 1): *aqua ducitur aut forma structili aut plumbeis fistulis* «вода подводится либо при помощи сложенного из кирпичей водопровода или посредством свинцовых труб»; [CIL, VI, N 31 564]: *formam aqu[ae] Virginis vetustate con[cl]apsa* «водопровод Девы, из-за древности разрушившийся». Прослеживая по страницам «Тезауруса» приложение слова в сходном смысле к разнообразнейшим живым и неживым объектам вплоть до мироустройства в целом (Cic., Nat. deor., II, 48): *innumerabilesque mundos alios aliarum esse formarum* «несчетны суть иные миры иных форм», в том числе к рукотворным изделиям – произведениям искусства и т.п. – и к разворачиванию различных дискурсов (*forma disciplinae, formae et genera dicendi*¹), мы, в конце концов, выходим на те значения, которые имеют первостепенную важность для внешнего этимологического сравнения.

Это, во-первых, семантика «способа, коим совершается некое дело или осуществляется какое-то явление» [TLL, 6(1), S. 1076]: *modus et ratio qua res aliqua agitur* – (Cic., Mil., 1) *haec novi iudicii nova forma* «этот новый способ нового судопроизводства», в том числе применительно к строю государства, к статусу и укладу отдельных его частей: провинций, префектур, городских общин и т.д. – см. столь частые у Цицерона сочетания *forma rei publicae, formae rerum publicarum*² или конструкции у других авторов типа (Tac., Hist., IV, 39): *rediit urbi sua forma legesque* «возвращены городу уклад (форма) его и законы»; (Vel., II, 44): *Capua in formam praefecturae redacta* «Капуя, низведенная до статуса префектуры»; (Liv., Perioch., 45): *Macedonia in provinciae formam redacta* «Македония низведена до статуса

¹ [Cp.: (Cic., De orat., III, 141; Tac., Dial., 18) и др.].

² [(Cic., Rep., I, 53; Tusc., II, 36; Ad Brut., I, 15) и др.].

провинции». Понятно, как у такого слова развиваются производные значения «правило», «норма», «закон», «предписание» [TLL, 6(1), S. 1085]; ср.: (Sen., Epist., 8, 5): hanc sanam ac salubrem formam vitae tenete «следуйте этому... здоровому и спасительному укладу жизни»; (Quintil., Dec. min., 264): certa forma ad quam viveremus instituta «установлен определенный закон, чтобы мы жили сообразно с ним»; (Colum., II, 2, 21): formam hujus operis comscribere, quam velut sectam legemque... sequantur agricolae «описать правила этого дела [вспашки земли], чтобы им как закону и указанию следовали земледельцы». Эти смыслы еще более конкретизируются и «опредмечиваются» в поздней латыни, где слово *forma* может обозначать указ императора, магистратов и т.д., каковым устанавливается определенный правопорядок; см.: (Fronto., Ep., I, 6, 3): si hoc decretum... tibi placuerit, formam dederis... magistratibus, quid in eiusmodi causis decernant «если это постановление... тебе понравится, дай указание (=образец) магистратам, что постановлять в подобных случаях».

Во-вторых, и это не менее важно, *формой* может именоваться «представление о некоем предмете, охватывающее все то, что оному свойственно» [TLL, 6(1), S. 1077]: notitia alicuius rei qua omnia quae eius propria sunt, comprehenditur – скажем, когда Цицерон говорит: ut ad officii formam revertamur «если мы обратимся к представлению о долге (= к идее долга)» (Cic., De off., 1, 103); или указывает на то, как in omni re difficillimum est formam... exponere optimi «во всяком деле труднее всего – выразить представление о наилучшем» (Cic., Orat., 36); или, вспоминая о Катоне Старшем, характеризует его речи как несущие (Cic., Brut. 294): formam quondam ingenii sed admodum inpolitam et plane rudem «некий образ дарования, но весьма необработанный и поистине грубый». При этом в переложениях Платона forma естественно применяется как эквивалент платоновской «идеи» – (Cic., Orat., 10): has rerum formas appellat *idéas* «называет эти образы вещей *идеями*». Данный участок смыслового поля прямо стыкуется с предыдущим, отмеченным семантикой «нормы, закона и т.д.», когда слово обретает смысл «образца, по которому строится некий объект или деятельность», «объекта подражания», см.: (Val. Max., 8, 15, 6): magistratibus exemplum atque formam officii Scaevolam «Сцеволю как пример магистратам и образец исполнения долга»; (Cic., Att., 1, 19): nostrae quidem rationis et vitae quasi quondam formam... vides «ты видишь как бы некий образец нашего строя мыслей и нашей жизни». Такое употребление оказалось подхвачено также и христианской латынью (Vulg. II Thess., 3, 9): ut nosmet ipsos formam [=τύπος] vobis daremus ad imitandum «чтобы себя самих дать вам в образец для подражания»).

Реализуя семантику словопонятия forma как «программируемого действия», христианские авторы не устают повторять, что Христос «поставив самого себя в образец деяния и суждения» – formam se ipsum agendi sentiendique constituens (Hil., Math., 12, 24), «сотворил образ уничиже-

ния» – fecerat formam humilitatis (Optat., 5, 3), обещая в будущем явить образец правосудия – formam iustitiae praebiturus (Zacch., I, 21), и вообще, «дал своим образец» – dedit formam suis (Tert., Idol., 18)¹.

Вот эти значения «образа действия», «образа жизни», «нормы, долга, закона», «совокупности сущностно значимых атрибутов», «образца», отмечаемые у лат. forma, как раз и открывают путь к его прямому сопоставлению с др.-инд. dharman, dharma в тех же или близких смыслах «долга», «закона», «обряда», «атрибута», «качества, раскрывающего сущность». Семантика как латинского, так и древнеиндийского терминов, похоже, опирается на одну и ту же внутреннюю форму, каковой выступает «устойчивая конфигурация элементов, признаков либо актов, создающих интегративный образ предмета или явления, обнаруживающих его природу и его назначение». Отсюда то развитие, при котором и forma, и dharma могут выражать идею «надлежащего качества и строя жизни», «истинного существования» (см. в «Брихадараньяке Упанишаде», разделе «Мадху» о тождестве *дхармы* и истины, satya²). Древняя внутренняя форма, похоже, проступает уже в ряде ведийских контекстов. Например, когда в «Ригведе» Индра «цветущие и плодоносящие (деревья) и реки распределил (vy... adharayaḥ) согласно с дхармой (dhármañādhi)» (RV, II, 13, 7), то в этом пассаже (обыгрывающем связь dharman и dhar- «держат», здесь – «держат врозь, распределять», vidhar-) речь идет либо о должном строе миропорядка, его идеальной *форме*, либо об идеях-формах самих явлений, о комплексах их качеств, определяющих их распределение богом. Когда же (RV, IV, 53, 3) бог солнца испускает на всю вселенную крик svaṃ dhármaṃ «ради своей дхармы», последняя есть не что иное, как те свойства сущности бога, которые определяют его мировое проявление – его *форму* в широком смысле слова. В гимне (RV, V, 81, 4), где тот же бог «по (своим) дхармам выступает Митрой» (mitró bhavasi deva dhármabhiḥ), имеется в виду способность божества в частных своих проявлениях-качествах совпадать с иным божеством, для природы которого они наиболее обычны, так что оно, это божество, оказывается как бы *формой* репрезентации восхваляемого бога.

Между латынью и санскритом в употреблении данных слов немало переключек, частично отражающих общее наследие, частично же – гомологию развития. Индийская мировая *дхарма* переключается с латинской *формой* миропорядка (см. выше у Цицерона). Латинское понятие о форме государства, города, провинции и т.д. вызывает в памяти слова Артахашастры (AS, III, 7) о дхарме областей, каст, объединений и деревень, выражающейся в присутствии им порядке наследования (deçasya jātyāḥ saṃghasya dharmo grāmasya vāpiyaḥ ucitas tasya tenaiva dāyadharmam prakalpayet), а

¹ [Обзор см.: TLL, 6(1), S. 1085].

² Ред.: (BU, 1, 4, 14) в [Сыркин, 1992].

заодно и указание «Законов Ману» (Manu, 1, 118) на «вечную дхарму страны, дхармы каст, сект и профессиональных сообществ» (*deçadharmāñ jātīdharmāñ kuladharmāmṣса ṣāçvatāñ pāṣaṇḍagaṇadharmāmṣса*). В латыни *форма*, а в древнеиндийском *дхарма* каждого сообщества раскрывается через его нормативный порядок жизни. И даже *форма* в смысле «творящего правопорядок указа правителя» находит параллель в индийском представлении о царе-насадителе и владыке *дхармы* (законного порядка, благочестия и благонравия), выразившемся, пожалуй, наиболее рельефно в надписях Ашоки – этих манифестациях и декларациях государственной *дхармы*.

В некоторых случаях дискурсы с участием др.-инд. *dharma(n)* и лат. *forma* обнаруживают тяготение к цельноформульному параллелизму. Любопытны случаи сочетания лат. *forma* с глаголом *videre* в смысле морально обязущего познания человеческих качеств и норм (Cic., *De off.*, III, 81): *excute intelligentiam tuam ut videas quae sit in ea species, forma et notio viri boni* «поройся в разуме своем, чтобы *увидать*, каковы в нем образ, *форма* и идея доблестного мужа»), напоминающие о таком древнеиндийском композите как *dharma-vid* «знающий закон», «ведающий обязанность». Ведийский оборот *divó dhárman* «дхарма (= держание) неба», относимый в (RV, V, 15, 2) к мифическим «пребывающим в основании (неба) мужам, нерожденным весте с рожденными» (*dharūṇe sedūṣo nṛñ jātāír ájātām*), приводит на память латинское словосочетание *caeli forma* – ср.: (Cic., *Tusc.*, I, 68): *nocturnam... caeli formam undique sideribus ornatam* «ночной образ неба, отовсюду украшенный звездами» – и далее употребление *caeli forma* или просто *forma* в астрологических текстах со значением «сочетание светил в тот или иной судьбоносный момент»¹. Не исключено, что др.-инд. *divo dharmān* и лат. *caeli forma* могли бы восходить к общему прототипу в индоевропейском поэтическом языке, обозначавшему совокупность астральных «обитателей» и «держателей» неба.

Конечно, *доминанты* семантических полей лат. *forma* и др.-инд. *dharma* существенно различны. В латинском поле исключительно сильна семема «зрительно восприятия, созерцания» внешних образов и конфигураций. В древнеиндийском же преобладает мотив «программности», «санкционированности» неких действий, подсказываемых дхармой. Эта доминанта, кстати, по-разному проявляется в употреблении термина *дхарма* религиозными учениями и философскими школами Индии: будь то учение мимансы о дхарме как призыве к должному (ритуальному) действию, понимание дхармы в джайнизме как условия всякого действия и адхармы как условия покоя, или буддистская доктрина дхарм – «тонких, конечных, далее недоступных анализу элементов материи, духа и сил» [Щербатской, 1988, с. 165], которые способны, возбудившись, воспроизводиться в жизненном потоке в порядке проявления закона кармы. Семема «программируемого действия», центральная в поле *дхармы*, занимает в

¹ (Cic., *Manil.*, I, 60; 3, 178 и др.); см. цитаты в [TLL, 6(1), S. 1071].

поле латинской *формы* ограниченное место, хотя, как видно, отнюдь ему не чужда и, более того, по показаниям TLL, особенно активизируется в латыни поздней, включая христианскую¹.

В фонологическом плане не видно препятствий к предлагаемому сближению. Во всяком случае, таким препятствием не может быть долгота корневого гласного в лат. *fōrma*, противоречащая – как и спорадическое удлинение в *fīrmus* – так называемому «закону Остгофа» (о сокращении долгих гласных перед сочетанием «плавный + любой согласный») и потому иногда трактуемая в качестве вторичного, позднейшего явления [Тронский, 2001, с. 191–192]. Но небольшого комментария она, однако же, заслуживает. Несомненно, что некоторым древнеиндийским производным от **dher-* соответствуют в итальянских языках сходные образования от того же корня, но с ларингальным расширением. Ср. др.-инд. *dhṛti-* «стойкость»: умбр. *frite* (аблаут) «верностью» (обозначение некоего атрибута, которым заклинаются разнообразные божества в молениях Игувинских таблиц) < **dhr-eN₁-ti-*; др.-инд. *dhṛta-* «верный» в композитах вроде *dhṛta-vrata-* «верный обету»: лат. *frētus* «уверенный» < **dhr-eN₁-to-* (в итальянском известны, хотя и редки, случаи полной ступени основы, кончающейся на ларингал, перед суффиксами *-to-*, *-no-*, как, например, в лат. *fātum* «предсказание, судьба» при греч. *θέσ-φατον* «оракул», или в лат. *plēnus* «полный», при др.-инд. *rūṅraḥ* то же). Между тем странный вокализм лат. *fīrmus* едва ли не лучше всего объясняется на правах «италицизма» из **fērmos*, с таким же развитием *ē > ī*, как во *frite*, и с тенденцией к сокращению долгого гласного по «закону Остгофа». Хочется спросить: не может ли эта долгота корневых гласных в **fērmos*, *fōrma* представлять след того же старого ларингального расширения – **dher-N-(C)- / *dhor-N-(C)-*, что налицо во *frētus* и умбр. *frite*, которые соотносятся огласовкой с первыми двумя формами, как Бенвенистовы «основы 2» с «основами 1»? В любом случае лат. *forma*, будь оно продолжением **dhor-N₁-meN₂* или **dhor-meN₂*, вправе рассматриваться в качестве образования, вполне параллельного к **dhor-men / *dhor-mo/e-*, отразившемся в др.-инд. *dharman / dharma*.

Но важно не только само по себе соответствие терминов с ценностно нагруженной мировоззренческой семантикой на западной и восточной периферии индоевропейского ареала, поддерживаемое также и лит. *dermė* «гармония, согласие» (< **dherm-yeN₂*), *dermūs* «гармоничный», «согласованный», *dėgamas* «подходящий, годный» с тем же базисным значением «устойчивой конфигурации, согласованного сочетания элементов» (ср. примечательную смысловую конверсию в лит. *derėti* «подходить, быть

¹ Если бы какой-нибудь знаток санскрита возжелал переложить на него рассуждения раннехристианских латинских писателей о Христе, который являет и дает своим последователям *formam* (= *formam agendi sentiendique*), возможно, такой переводчик не подыскал бы лучшего эквивалента для этого латинского словопонятия, чем *dharma*.

годным» < *dher- «держать, крепить»¹. Не менее, если не более, важно то, что в случаях с дхармой и формой мы касаемся терминов, обретших исключительное значение в интеллектуальном аппарате двух великих индо-европейских цивилизаций, поднявшихся в противолежащих концах Евразии. Это тот случай, когда этимологическое родство заключает в себе перспективу обширного сравнительно-культурологического исследования. С учетом др.-инд. dharma несколько иначе воспринимаются слова Цицерона о форме государства, *форме* всего наилучшего, *форме* доблестного мужа и т.д. – или мысль Квинтилиана о некой «*форме*, установленной, чтобы жить сообразно с нею». Но, с другой стороны, учет лат. forma вносит важные нюансы в понимание многих древнеиндийских контекстов, в частности таких, где *дхарма* мыслится как проявление некой сущности. Знаменитое место из «Веданта-сутры» (VS, 1, 1, 20–21) о соотношении между трансцендентным Брахманом и Внутренним Правителем, живущим в Солнце и в зрачке человека antastaddharmopadeçāt bhedavyarapeçācānyaḥ «Внутренний (Правитель), согласно учению, – его (Брахмана) дхарма, но, по указанию на различие, есть и иной (Брахман)» – может быть осмыслено в духе трактовки Внутреннего Правителя как космической формы-проявления Брахмана-Абсолюта².

Везде, где индийская *дхарма* сохраняет смысл «образа», «строя», «порядка-конфигурации», «сущностно значимого качества», «свойства» и т.п., европейская *форма* оказывается законным комментарием к «дхарме». Но везде, где европейская *форма* несет в культурной истории Запада

¹ Этимологическая структура лат. forma и др.-инд. dharma заставляет вспомнить давнее, предложенное еще А. Фиком и детально разработанное Г. Остгофом объяснение греч. μορφή через глагол μάρπτω «схватывать» с толкованием μορφή как аналога к нем. Fassung [Fick, 1872, S. 171–173; Osthoff, 1899, S. 137–139]. При этом позднелатинские (гесиодовские) формы вроде μέμαρτεν, μέμαρτός (Hes., Sc., 245; Op., 204) Остгоф склонен был расценивать как результат скрещения основ μάρπτω < *μάρφιω и темного по происхождению, но близкого по смыслу глагола μάτω (см.: Hes., Sc., 231; 252 – μάτέειν, μέματοειν). Но в XX в. μορφή обычно включали в одно гнездо с греч. μύρφος «темный, темноперый (о птицах)», ἄμωρβός «темный», лит. márgas «пестрый, рябой» – т.е., связывая этимологический смысл μορφή исключительно со зрительным (изначально контрастивно-цветовым) восприятием [Boisacq, 1923, p. 645; Pokorny, 1959, S. 733–734; Frisk, 1970, S. 258].

² Ф.И. Щербатской, характеризуя буддистские дхармы как «элементы бытия... ментальные проявления, ментальные вспышки в феноменальном мире из неведомого источника», вслед за тем отмечал, что «единица изменения именуется термином “dharma”, как в йоге, так и в буддизме». Он добавляет, что и в учении санххьи «также изменение проявления называлось изменением dharma; но в брахманской системе совершенно естественно употреблять этот термин, ибо старое и обычное его значение – “качество” и, с точки зрения санххьи, изменяющиеся проявления – это принадлежность некоторого всепроникающего вещества». Причем, по словам этого авторитета, «проявление (dharma) и проявляемое (dharmin) совершенно одно и то же; проявление представляет лишь путь, на котором проявляется проявляемое» [Щербатской, 1988, с. 141, 147]. Но суммарное качество, в котором и через которое проявляется некая сущность, – не предельно ли это близко к тому, что в Европе с Античности привычно понимать под «формой»?

коннотации долженствования, обязательности, – индийская *дхарма* предстает комментарием к «форме».

СПРАВОЧНЫЙ АППАРАТ

Список сокращений

Языки

(языковые семьи, группы, ареалы, периоды, диалекты, билингвы, изоглоссы)

авест. – авестийский

арм. – армянский

блр. – белорусский

герм. – германский

гом. – гомеровский

гот. – готский

греч. – греческий

др.-англ. – древнеанглийский

др.-в.-нем. – древневерхненемецкий

др.-инд. – древнеиндийский

др.-исл. – древнеисландский

др.-рус. – древнерусский

др.-чеш. – древнечешский

и.-е. – индоевропейский

ит. – итальянский

итал. – итальянский

лат. – латинский

лит. – литовский

лтш. – латышский

оск. – оскский

пол. – польский

пралат. – пралатинский

ром. – романский

рус. – русский

санскр. – санскрит

сербохорв. – сербохорватский

слав. – славянский

словен. – словенский

ст.-франц. – старофранцузский

тох. – тохарский (А; В)

умбр. – умбрский

франц. – французский

Древние авторы и тексты

- Arn. – Арнобий. Семь книг против язычников.
AS – Артхашастра.
AV – Атхарваведа.
Aul. Gell. – Авл Геллий. Аттические ночи.
BU – Брихадараньяка Упанишада.
Cic., Ad Brut. – Цицерон. Письма к Бруту.
Cic., Att. – Цицерон. Письма к Аттику.
Cic., Brut. – Цицерон. Брут.
Cic., Catil. – Цицерон. Против Катилина.
Cic., Cluent. – Цицерон. В защиту Клуента.
Cic., De div. – Цицерон. О дивинации.
Cic., De off. – Цицерон. Об обязанностях.
Cic., De orat. – Цицерон. Об ораторе.
Cic., Fato – Цицерон. О судьбе.
Cic., Manil. – Цицерон. О предоставлении империя Гнею Помпею.
(О Манилиевом законе).
Cic., Mil. – Цицерон. В защиту Милона.
Cic., Nat. deor. – Цицерон. О природе богов.
Cic., Orat. – Цицерон. Оратор.
Cic., Rep. – Цицерон. О государстве.
Cic., Scaur. – Цицерон. В защиту Скавра.
Cic., Tusc. – Цицерон. Тускуланские беседы.
Colum. – Колумелла. О хозяйстве.
Enn., Ann. – Квинт Энний. Анналы.
Frontin., Aq. – Фронтин. О римских водопроводах.
Fronto., Ep., – Фронтон. Письма Марку Аврелию.
Hesych. – Гесихий Александрийский. Лексикон.
Hes., Op. – Гесиод. Труды и дни.
Hes., Sc. – Гесиод. Щит Геракла.
Hom., Il. – Гомер. Илиада.
Liv., Perioch. – Тит Ливий. Периохии.
Manu. – Ману-смрити (Законы Ману).
Mar. Vict. – Марий Викторин.
Orpat. – Опат. Против донатиста Пармениана.
Ovid., Trist. – Овидий. Скорбные элегии.
Pallad. – Палладий. Земледелие.
Paul., Dig. – Дигесты Павла.
Plaut., Capt. – Плавт. Пленники.
Plaut., Cas. – Плавт. Казина.
Plaut., Merc. – Плавт. Купец.
Plaut., Mil. – Плавт. Хвастливый воин.
Plaut., Rud. – Плавт. Канат.
Quintil., Dec. min. – Квинтилиан. Младшие декламации.

Quintil., Inst. – Квинтилиан. Наставления оратору.
RV – Ригведа.
Sen., Epist. – Сенека. Нравственные письма к Луцилию.
Tac., Dial. – Тацит. Диалог об ораторах.
Tac., Hist. – Тацит. История.
Ter., Andr. – Теренций. Девушка с острова Андроса.
Tert., Idol. – Тертуллиан. Об идолопоклонстве.
Ulp., Dig. – Дигесты Ульпиана.
Val. Max. – Валерий Максим. Слова и деяния, достойные памяти.
Vel. – Веллий Патеркул. Римская История.
Vitruv. – Витрувий. Десять книг об архитектуре.
VS – Веданта-сутра.
Vulg. II Thess. – Второе послание к фессалоникийцам.
Zacch. – Книга пророка Захарии.

Библиография

- Барроу, 1976** – Барроу Т. Санскрит. – М., 1976.
Бенвенист, 1995 – Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. – М., 1995.
Бурлак, 2000 – Бурлак С.А. Историческая фонетика тохарских языков. – М., 2000.
Гиндин, 1981 – Гиндин Л. А. Древнейшая ономастика Восточных Балкан. (Фрако-хеттолувийские и фрако-малоазийские изоглоссы). – София, 1981.
Дыбо, 1981 – Дыбо В. А. Славянская акцентология. – М., 1981.
Нидерман, 1949 – Нидерман М. Историческая фонетика латинского языка. – М., 1949.
Сыркин, 1992 – Упанишады: В 3 т. – Т. 1: Брихадараньяка Упанишада. / Пер. А. Я. Сыркина. – М., 1992.
Топоров, 1988 – Топоров В. Н. Комментарий к буддологическим исследованиям Ф. И. Щербатского. // Щербатской, 1988.
Тронский, 2001 – Тронский И. М. Историческая грамматика латинского языка. – М., 2001.
Цымбурский, 1999b – Цымбурский В. Л. «Причина» и «чудо» (лат. causa и его индоевропейское родство). // Памяти Тронского, III. – СПб., 1999. – С. 98–101.
Цымбурский, 2000b – Цымбурский В. Л. Форма и дхарма. // Памяти Тронского, IV. – СПб., 2000. – С. 117–123.
Цымбурский, 2003b – Цымбурский В. Л. Дело о Пренестинской фибуле: к оценке аргументов. // Памяти Тронского, VII. – СПб., 2003. – С. 122–128.

Цымбурский, 2008 – Цымбурский В. Л. Латинский трилистник: 1. Причина и чудо: индоевропейские связи лат. *causa*. 2. Форма и дхарма. 3. Дело о Пренестинской фибуле. // *Acta linguistica Petropolitana*. Труды Института лингвистических исследований РАН. – Т. IV, ч. 1: *Colloquia classica et indogermanica* – IV. Классическая филология и индоевропейское языкознание. / Под ред. Н. Н. Казанского. – СПб., 2008. – С. 169–220.

Щербатской, 1988 – Щербатской Ф. И. Центральная концепция буддизма и значение термина «дхарма». // *Избранные труды по буддизму*. – М., 1988.

ЭССЯ-1–30 – Этимологический словарь славянских языков. Пра-славянский лексический фонд. – Т. 1–30 / Под ред. О. Н. Трубачева. – М., 1974–2003. – <Издание продолжается>.

Böhtlingk, Roth, 1961 – Böhtlingk O., Roth R. von. *Sanskrit-Wörterbuch*. – Bd. 3. – St-Petersbourgh, 1861.

Boisacq, 1923 – Boisacq E. *Dictionnaire etymologique de la langue grecque*. – Heidelberg–Paris, 1923.

Bourns, 2005 – Bourns J. *Englisch fogg «aftergrass»*. // *Die Sprache*. – 45. – 2005.

Brugmann, 1889 – Brugmann K. *Grundriss der vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen*. – Bd. II. – Strassburg, 1889.

Corssen, 1863 – Corssen W. *Kritische Beiträge zur lateinischen Formenlehre*. – Leipzig, 1863.

Curtius, 1879 – Curtius G. *Grundzüge der griechischen Etymologie*. / 5 Auf. – Leipzig, 1879.

Dumézil, 1987 – Dumézil La religion romaine archaïque. – Paris, 1987.

Ernout, Meillet, 1979 – Ernout A., Meillet A. *Dictionnaire étymologique de la langue latine*. / 4 ed.; 3 tir. – Paris, 1979.

Fick, 1872 – Fick A. *Etymologische Beiträge*. // *KZ*. – Bd. 20. – 1872.

Frisk, 1970 – Frisk Hj. *Griechisches etymologisches Wörterbuch*. – Bd. II. – Heidelberg, 1970.

Kortlandt, 1975 – Kortlandt F. H. H. *Slavic accentuation*. – Lisse, 1975.

Kretschmer, 1904 – Kretschmer P. *Zum lateinischen Wandel vom ov in av*. // *KZ*. – Bd. 37. – 1904.

LIV, 2001 – *Lexicon der indogermanischen Verben*. / Unter Leitung von H. Rix. – 2 Aufl. – Wiesbaden, 2001.

Osthoff, 1899 – Osthoff H. *Allerhand Zauber etymologisch beleuchtet*. // *Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprache*. / Hrsg. A. Bezzenger. – Bd. XXIV. – 1899.

Pokorny, 1959 – Pokorny J. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. – Bd. I. – Bern; München, 1959.

Schrijver, 1991 – Schrijver P. *The Reflexes of the Proto-Indo-European Laryngeals in Latin*. – Amsterdam–Atlanta, 1991.

Schwyzler, 1939 – Schwyzler E. Griechische Grammatik. – Bd. I. – München, 1939.

Solmsen, 1904 – Solmsen F. Beiträge zur Geschichte der lateinischen Sprache. 4. Der Wandel von ov in av. // KZ. – Bd. 37. – 1904.

TLL, 3 – Thesaurus linguae latinae. – Vol. 3: C – Comus. – Lipsiae, 1906–1912.

TLL, 6(1) – Thesaurus linguae latinae. – Vol. 6, pt. 1: F. – Lipsiae, 1912–1926.

Vaniček, 1874 – Vaniček A. Etymologisches Wörterbuch der lateinischen Sprache. – Leipzig, 1874.

Van Windekens, 1976 – Van Windekens A. J. Le Tokharique confronté avec les autres langues indo-europeennes. – Vol. La phonétique et vocabulaire. – Louvain, 1976.

Walde, Hofmann, 1938 – Walde A. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. / 3 Aufl., bearb. von J. B. Hofmann. – Bd. I. – Heidelberg, 1938.

Walde, Pokorny, 1930 – Walde A. Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen. / Hrsg., bearb. von J. Pokorny. – B. I. – Berlin–Leipzig, 1930.